

Георгий
ЧЕРНОБРОВКИН
г. Олонец,
Республика Карелия

«Время войны и мира, тонкая жизни нить...»

* * *

Море и ветки сосен. День на краю земли.
Скоро здесь будет осень, что бы ни изрекли.
Скоро здесь будет сыро, ветер со всех сторон...
Как нас здесь много было с сыром и без ворон.

Солнце цвело над нами, и был горяч песок.
Время дружить домами и потерять адресок,
Вычеркнуть телефоны, более не звонить...
Время войны и мира, тонкая жизни нить...

* * *

Россия. Родина. Страна.
Какие славные созвучья.
А жизнь по-прежнему паучья.
Как будто бы стакан без дна.

И ничего не изменить.
Россия. Лета. Лорелея.
И всё, как прежде, лотерея.
И надо Родину любить.

Георгий Иванович ЧЕРНОБРОВКИН

родился 14 октября 1967 г. в Олонце.
Вице-президент Библиотечной ассоциации
Республики Карелия, директор Муниципального
казенного учреждения «Олонецкая
централизованная библиотечная система».
Стихи публиковались в коллективных
сборниках, антологии поэзии Карелии «Дерево
песен», альманахе «День поэзии. XXI век»,
журналах «Север», «Нева», «Юность» и др.
Автор поэтических книг «Орешник» (2006),
«Близкое небо» (2007), «Осенние письма» (2013).
Лауреат премии журнала «Север» за 2014 год,
премии имени Владимира Бренджова (2017).
Лауреат премии Главы Республики Карелия
имени Г. Р. Державина «Во славу Отечества»
в номинации «Поэзия» (2024).
Член Союза писателей России.

* * *

Берег озера. Рыжие дюны.
Облака тянут лес за собой.
Может, чайки, а то гамаюны,
расшумелись над чистой водой.
Жарит солнце, и хочется чаю,
и шипит, убегая, волна.
Волны медленно берег качают,
и не веришь, что где-то война.
Ты лежишь молодой и влюблённый
и читаешь классический бред,
и мышинный горошек поклоны
бьёт от дыма твоих сигарет.
Ты разнежен бумагой и солнцем
и на грани почти полусна
тихо думаешь: глупым веронцам
и зачем была эта война?
Запятые сливаются в стайки
и летят, словно «град», на восток.
Реактивные носятся чайки
и мешают читать между строк.
И так странно, что смерть где-то рядом,
и до одури хочется жить,
и лежать на песке неизмятом,
и дышать, и читать, и любить...

* * *

Как остро пахла эта мята,
взывая к памяти моей,
где тёплая ладошка чья-то
влагалась в руку без затей,
где нет ещё ни войн, ни смерти,
ни черноты забытых тел,
где медальон лежит в конверте,
который вскрыть ты не успел.

Но как же дышит мята жадно!
Я слышу, как сквозь тишину,
подобно нити Ариадны,
она ведёт ко мне страну,
где будет всё, как было прежде,
и дом, и берег, и река,
и лес в торжественной одежде,
без снайпера, навERNЯКА.

* * *

У реки Смородины,
проще — у черты,
ловишь взгляды Родины
с горней высоты.

Дуб стоит-качается,
перевозчик бдит.
Небо не кончается,
хоть нажат «делит».

По мосту с разгрузкою
вдаль идёт солдат.
Доски трясогузкою
прыгают не в такт.

И ведь не оглянeshься,
и не повернeshься.
До реки дотянешься,
а волна что нож.

Берега сшиваются
стёжкой моста.
Перезаряжаются
братья блокпоста.

По мосточку, в шорохах,
нескончаем путь.
Небо жжёт во всполохах,
и озябла грудь.

* * *

Мы вдоль моря шагаем босые,
и песок непривычно горяч.
Где-то Север и ливни косые,
где-то время, летящее вскачь.

Ну, а здесь непривычно спокойно,
до нирваны четыре шага.
Это где-то и «грады» и войны,
это где-то все живы пока.

Волны шлёпают, но к изголовью
вряд ли море сегодня придёт.
Все закаты написаны кровью.
«Это так», повторит пулёмёт.

И не знаешь уже, что банальней:
то ли море, а может, война.
Между молотом и наковальней
человек, тихий берег, волна....

* * *

Ходит голубь краем крыши,
день по-летнему горяч.
В тёмной речке тонет рыжий,
словно Танин, солнца мяч.
Горизонт напоен негой.
Всюду царствует покой.
Между альфой и омегой
жизнь простёрлась над рекой.

Где ты, зайчик? В камуфляже
не выходят погулять.
Погляди, как бьётся в раже
пистолета рукоять,
как отточено прекрасен
акаэмовский приклад,
и не надо старых басен,
что не греет маскхалат.

Так по пажитям шагая
невесомо, точно день,
отворяет створки рая
человеческая тень.
И неправильность в природе
до обычности легка.
Не война, а так, навроде,
сквозь прицел фронтовика.

* * *

Тяжёлый яблоневый сад
в сентябрьском утреннем тумане
стоит, как будто на экране
картинка, две войны назад,
где так же тянутся к земле
натруженные руки сада,
как будто нет огня и ада,
и дня грядущего во мгле.

И словно живы всё ещё
все те, кого уже не встречу.
Меняет утро плавно вечер,
минует день. И вновь отсчёт
ведёт небесный метроном,
равняя капли к прошлой жизни,
и всё приравнено к Отчизне,
и нет значенья в остальном.

Роняет яблоко рука.
Трава волшебна шелковиста.
Нет груза 200, есть лишь 300,
и живы все. Издалека
чуть слышно: вполнаёма гром
себя считает канонадой,
и падай яблоко — не падай,
всё скроет капель метроном.

Творец проходит райский сад
и гладит яблони дыханьем,
где в урожае горько раннем
никто никак не виноват.
И только яблоко в траве
лежит бессмертно одиноко,
и много нас, о, как нас много,
бессмертных вместе с ним в родстве.

* * *

Озеро, облако, лето.
Пляжик в дремучем краю.
Без суеты и совета
я потихоньку крою
жизнь, что натянута туго,
как полотно, на столе.
Солнце гуляет по кругу,
циркуль измазав в смоле,
чертит круги в поднебесье
и, отражаясь в воде,
слепит меня и подлесье
в этом медвежьем нигде.
Благостно всё и спокойно.
И, подрезая края,
думаю я: что за войны
в мире и кто судия?

Ножницы режут упорно
мелом разбитую тканьь.
Ах, до чего же ты норма,
милая тьмутаракань...
Полнится день солнцепёком.
Жизнь распласталась в руке.
Облако в небе глубоком
плавает. А вдалеке
гулкое прыгает эхо,
плачет кукушка в лесу,
бьёт миномёт без огреха
занятую полосу.
И, прибирая рукою
мелом очерченный край,
вижу: летят подо мною
озеро, облако, рай.

* * *

В мире чёрно-белом всё так просто:
и страна, и родина, и дом.
Берестой с души ползёт короста
времени, завитая крестом.

И уже не думаешь, что прежде
жил как жил, а также и любил.
Но надел военные одежды
на хитон архангел Михаил.

Лесополосу превозмогая,
он идёт, сиянием объят.
Просто всё. Как третья мировая.
Как за други гибнущий солдат.

Смерти нет. Есть солнце на восходе.
У разгрузки меч горит огнём.
И двенадцать человек во взводе
шествуют под ангельским крылом.